

О любви

ИСТОРИИ И РАССКАЗЫ

Москва

Издательство АСТ

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6
О-11

Серия «Народная книга»

Руководитель проекта «Народная книга» *Владимир Чернец*
Редколлегия: *Владимир Гуга, Анна Зимова, Наталья Паненкова,*
Екатерина Серебрякова, Людмила Соколова
Медиа-менеджер *Татьяна Майорова*

*Благодарим Российскую государственную библиотеку
для молодежи и лично Ирину Борисовну Михнову,
Антон Пурника и Маргариту Демкину
за помощь в создании книги*

Обложка: *Юлия Межова*

О-11   **О любви.** Истории и рассказы. Народная книга.— Москва:
Издательство АСТ, 2016.— 447 с.— (Народная книга).

ISBN 978-5-17-099483-0

Этот сборник составлен из историй, присланных на конкурс «О любви...» в рамках проекта «Народная книга». Мы предложили поделиться воспоминаниями об этом чувстве в самом широком его понимании. Лучшие истории мы публикуем в настоящем издании.

Также в книгу вошли рассказы о любви известных писателей, таких как Марина Степнова, Майя Кучерская, Наринэ Абгарян и др.

© Авторы, 2016
© ООО «Издательство АСТ», 2016

От редакции

Около двух лет в оргкомитет проекта «Народная книга» приходили письма из разных стран на конкурс историй о любви. Мы читали, обсуждали, спорили, делились с авторами впечатлениями и замечаниями, объясняли им свое понимание жанра, публиковали лучшие тексты на сайте проекта.

Определиться с выбором было непросто, почти во всех историях были свои достоинства. Мы остановились на нескольких десятках текстов, наиболее удачно совпадающих с концепцией конкурса.

И вот книга собрана! В нее вошли самые разные истории о любви во всех ее ипостасях. Не каждая любовная сага заканчивается хэппи-эндом и не каждая счастливая безоблачная влюбленность завершается сигналами клаксонов свадебного кортежа. Все гораздо сложнее и непредсказуемее... О чем и поведали наши уважаемые авторы.

Они прислали нам истории о превратностях первой любви, об обыкновенном семейном счастье, о неожиданных и невозполнимых потерях, об анекдотических курьезах, о запутанных любовных отношениях — словом, обо всех перипетиях самого загадочного чувства — лежащих на поверхности и надежно замаскированных.

Большинство авторов историй — любители. Но есть среди них и маститые писатели: Марина Степнова, Майя Кучерская, Наринэ Абгарян и др.

Желаем приятного чтения!

Просто вместе

Наринэ Абгарян

Любовь

(из сборника повестей и рассказов «Зулали»)

Аваканц Маро, теребя пуговицу жакета, громко, на весь судебный зал, глотала слюну.

За спиной, угнездившись на скрипучей скамье суетливой воробьиной стаей, шушукались ее соседки — Крнатанц Меланья, Василянц Катинка и Макаранц Софа. Иногда, не прерывая шушуканья, Меланья с Софой поворачивались в сторону ответчика и окидывали его осуждающим взглядом. Катинка, чтоб не отрываться от вязания, головы не повертывала, но каждый раз, когда подруги осуждающе смотрели, сокрушенно цокала языком. Ответчик — высокий, седобородый и неожиданно чернобровый старик — на каждое цоканье дергал плечом и кхекал. Заслышав его кхеканье, Маро громко сглатывала и усерднее теребила пуговицу жакета.

Стенографистка, молоденькая двадцатилетняя девочка (Маро, подслеповато шурясь, попыталась разобраться, чьих она кровей, но потом сдалась — молодежь сейчас так причесывается и красится, что своего от чужого не отличишь), заправляла бумагу в пишущую машинку. Судья, прикрыв глаза, ждал, когда она закончит.

— Я готова, — звонко отрапортовала стенографистка. Судья, поморщившись, открыл глаза. Несмотря на рас-

пахнутые окна, в комнате стояла невозможная духота. Октябрь, хоть и напустил щедрого разноцветья и подмораживал утреннюю росу, но убавлять полуденную жару не собирался — в обед солнце шпарило так, словно за окном не ополовиненная осень, а самое ее начало.

— Можете продолжать, истица,— разрешил судья.

Маро вцепилась теперь уже обеими руками в пуговицу жакета.

— Извини, сынок... забыла, где остановилась,— повинилась она.

Машинистка с готовностью заглянула в записи.

— ...ударил ковшиком,— подсказала она шепотом.

Меланья с Софой повернули головы, Катинка цокнула языком, ответчик кхекнул.

— Тишина в зале! — повысил голос судья.

Маро убрала в карман жакета оторванную пуговицу, вцепилась в другую.

— Ну да. Ударил ковшиком. Эмалированным. По голове. В этом ковшике я обычно яйца варю, ну или там пшенку для цыплят... хороший ковшик, неубиваемый. Служит верой и правдой двадцать лет. Я его роняла несколько раз, а ему хоть бы хны. Не погнулся, и даже эмаль не облупилась...

— Не отвлекайтесь, истица.

— Ага. Так вот. Ударил он меня этим ковшиком по голове. Два раза. Потом выгнал из дому на веранду. Там персики сушились, дольками, на подносах. Схватил он один поднос и швырнул в меня. Попал в спину, вот сюда.— Маро погладила себя по пояснице. Вздохнула.— Сухофрукты попортил...

Судья перевел взгляд на ответчика. Тот сидел, сложив на коленях искореженные тяжелым деревенским трудом ладони. Несмотря на почтенный возраст, телосложения он был внушительного — осанистый, с широкими плечами и спиной, длинными руками и крепкими ногами. Лицо

у него было открытое и какое-то очень располагающее: выцветшие от возраста желтоватые глаза, глубокие морщины, кривоватый, но красиво слепленный нос, рыжие подпалины в седой бороде — от табака. «А ведь по благообразному виду и не скажешь, что способен на такое», — подумал судья. Расценив его пристальное, но доброжелательное внимание как поддержку, старик, оживившись, пожал плечами и воздел в недоумевающем жесте указательный палец — дескать, смотри, чего вытворяет! Судья поспешно отвел взгляд и нахмурился.

— Потом он меня спустил с лестницы, — продолжала Маро.

— Как спустил?

— Ну как... За шиворот схватил и ногой поддал. Вот сюда. — Она хотела показать куда, но смутилась.

— Ниже спины, — подсказал судья.

— Ага, ниже спины. Потом он гонял меня по двору метлой, пока я не выбежала на улицу.

Видно, терпение у старика кончилось. Он громко хкекнул и встал. Воробьиная стая на задней скамье сердито зашебаршилась, пальцы машинистки застыли над клавиатурой.

— Значит, я ее метлой не только гонял, но и бил! — уточнил старик.

Голос у него оказался прокуренный, с отчетливой хрипотцой, некоторые слова он выговаривал дробно, переводя между слогами дыхание.

Судья выпрямился.

— Ответчик, вам слово не давали!

— Зачем давать, я сам скажу, когда захочу, — оскорбился старик, потоптался на месте, мелко переступая изношенными ботинками, махнул рукой и сел.

— Продолжайте, — разрешил судья истице.

Маро убрала в карман вторую оторванную пуговицу, вцепилась в третью.

— Так вы без пуговиц останетесь,— улыбнулся судья.

— А? А!!! Ничего, потом пришью. Я, когда волнуюсь, часто так... Потому пуговицы пришиваю слабенько, чтобы с мясом не отрывать.

— Кстати, мясо я тебе зубами не рвал? А то мало ли, вдруг рвал! — ржаво поинтересовался старик.

— Ответчик! — повысил голос судья.

Старик махнул на него рукой — да подожди ты, я с женой разговариваю!

— Семьдесят лет, а врешь, как малолетняя дуреха! Тьху! — Он плюнул в сердцах на дощатый пол и старательно растер плевков ботинком.

Судья вскочил с такой поспешностью, что опрокинул стул.

— Если вы сейчас же не прекратите безобразие, я вас оштрафую. Или вообще посажу в тюрьму! На пятнадцать суток!

Старик медленно поднялся со скамьи и хлопнул себя по бокам.

— За что посадишь? За то, что я со своей женой поговорил?

— За неуважение к суду!

Меланья с Софой прервали шушуканье, Катинка отложила вязание и усталились на судью. Маро ойкнула, старик хохотнул.

— Сынок, ты зачем меня тюрьмой пугаешь? (Он произносил «турма».) Ты городской, приехал недавно, в наших порядках еще не разобрался. Начальника тюрьмы Меликанца Цолака я вот с такого возраста знаю.— Он с усилием нагнулся и провел ребром ладони по своему колену.— Всю жизнь меня Само-дайи¹ называл. Не посадит он меня, хоть тресни. Так что ты это. Прекращай говорить такие слова!

---

¹ Дядя Само (арм.).

«Интересно, как он жене ногой наподавал, если еле нагибается», — подумал судья. Он ослабил узел галстука, потом раздраженно сдернул его с шеи и расстегнул ворот рубашки. Сразу стало легче дышать.

— Садитесь, — попросил он ответчика.

Старик опустился на скамью, сложил на коленях ладони, пожевал губами и притих.

— Вы хотите развестись с ним, потому что он вас бьет, так? — обратился судья к Маро.

Старик снова поднялся.

— Сынок, еще одно слово скажу и больше говорить не буду. Позволяешь?

— Говорите, — вздохнул судья.

— Ты посмотри на нее, — старик показал рукой на свою жену, — худая — одни кости, и росту в ней кот наплакал. Разве она похожа на осла? А может, она на барана похожа? Или на свинью?

— Ответчик! — рассердился судья.

— Посмотри на меня и посмотри на нее, — не дрогнул старик, — если бы я ее ударил ковшиком, она бы сейчас тут стояла? Сынок, разреши мне один раз ее ударить. Если не испустит дух — посади. Я с Цолаком договорюсь.

— Я вас точно посажу! — вышел из себя судья.

— Не надо его сажать! — взмолилась Маро. — Сынок, не слушай его, разведи нас и все.

— Не надо его сажать! — заголосила воробьиная стая.

У судьи лопнуло терпение.

— Ну-ка, вон отсюда! — взревел он. — Все вон! Все!!!

Воробьиная стая поднялась, оскорбленно поджала губы и засемила к выходу. Со спины старушки выглядели совершенно одинаково — длинные, темные шерстяные платья, накинутые на плечи жакеты, повязанные на затылке причудливым узлом косынки. «И не жарко им?» — подумал судья.

Следом за воробьиной стаей потянулись истица с ответчиком. Истица теребила последнюю пуговицу жакета, истец шаркал изношенными подошвами ботинок.

Когда дверь за ними закрылась, стенографистка сердито отодвинула печатную машинку и тоже направилась к выходу. Коротенькая юбка еле доходила до середины бедра, шиколотки обхватывали тонкие ремешки босоножек, модная стрижка подчеркивала длину шеи. Перед тем как выйти, она обернулась и окинула судью осуждающим взглядом.

— Зачем вы с ними так?

— За дело!

— Ничего вы в наших людях не понимаете!

Судья побарабанил пальцами по столу. Кивнул, соглашаясь.

— Не понимаю.

— Вот и не надо тогда! — отрезала стенографистка и, не объяснив, чего не надо тогда, вышла.

«Уеду я отсюда», — подумал с тоской судья. Он действительно ничего не понимал в этих людях. Зачем им мировой суд, если они его в грош не ставят? Взять хотя бы двух вчерашних теток, не поделивших несущку. Пришли, главное, с курицей, сцепились в зале суда, стали друг у друга несчастную птицу вырывать, та квохчет и гадит от испуга, тетки никак не уймутся... Пришлось выгнать. И сегодняшних пришлось выгнать. Вот ведь странный народ.

Судье давно пора было уходить, но он сидел, положив локти на машинописные листы, и смотрел в окно. Небо, невзирая на почти летнюю жару, было хриплым, надтреснутым. Совсем скоро холода.

Аваканц Маро подняла крышку эмалированного ковшика, удостоверилась, что пшенка сварилась. Отставила в сторону, чтобы дать ей остыть. Накрошит туда круто сваренных яиц, нарежет крапивы, будет цыпля-

там еда. Петинанц Само, скобля ложкой по дну тарелки, доедал рагу.

— Значит, этой штукой я тебя ударил, да? — хмыкнул он, наблюдая за тем, как жена осторожно убирает с печи эмалированный ковшик. — По голове, главное, ударил. Два раза.

Маро поджала губы. Села напротив и принялась чистить яйца.

— А подносом каким я в тебя кинул? Не тем ли, что на полке стоит? — кивнул он в сторону тяжелого мельхиорового подноса.

Маро подвинула к себе разделочную доску, стала сердито крошить яйца.

— А потом еще метлой тебя по двору гонял. Пока не выбежала на улицу! — не унимался Само.

Маро с раздражением отложила нож.

— А что мне надо было говорить? Что ты, старый дурень, на восьмом десятке головой двинулся и черт-те что вытворяешь?

— А что я такого вытворяю?

Маро не ответила.

Само оторвал кусочек горбушки, протер тарелку, собирая остатки рагу. Съел с видимым удовольствием.

— Еще хочешь? — спросила Маро.

— Нет, сыт уже.

Он откинулся на спинку стула, сложил на груди руки. Хмыкнул.

— Что поделаешь, хочется мне женской ласки!

Маро усерднее застучала ножом по разделочной доске. Само наблюдал за ней, растянув в едва заметной улыбке уголки губ.

— Три года ничего не хотелось, прямо выжженное поле. А теперь словно второе дыхание открылось. Вынь да положь! — хохотнул он.

— Я тебе дам «вынь да положь»! — рассердилась Маро. — Разводись, найди себе кого помоложе и кувыр-кайся. А я уже все! Откувыркала свое.

Само тяжело встал и смахнул крошки в тарелку. Проходя мимо жены, ущипнул ее за бок. Та ойкнула и пихнула его локтем.

— От старый потаскун!

— Люблю я тебя, дуру, — криво усмехнулся Само и понес ополаскивать тарелку.

Надежда Осипова

Тетя Маша-Крокодил

Тетя Маша-Крокодил вызывала у людей смех: бесформенная фигура, низкий рост, короткие толстые ручки и ножки, семенящая походка — ее узнавали издали. Обычно незнакомый человек окидывал ее внимательным взглядом, а потом долго улыбался, глядя ей вслед.

Я относилась к ней приблизительно так же: проходила мимо, приветствуя небрежным кивком головы, изо всех сил сдерживая улыбку... пока жизнь не свела нас ближе. Тетя Маша поселилась в одном со мной подъезде, только на нижнем этаже. В ту памятную зиму мой сынишка часто болел: в детсад постоянно проникала какая-нибудь кожная зараза, и родители вынуждены были пережить карантин с детьми дома. На работе я появлялась не чаще двух-трех дней в месяц, за остальные отчитывалась больничными листами или, что того хуже, неоплачиваемыми справками. Меня кое-как терпели, косые взгляды сослуживцев, потеря заработка и вынужденное безделье хорошего настроения не добавляли.

В один из зимних дней ко мне и забрела в гости тетя Маша — «попроведать». Принесла с собой и гостинец — большое сито с семечками подсолнуха. Мы разговари-

лись. Смешная на первый взгляд женщина поразила меня глубиной своих мыслей, простой и одновременно мудрой жизненной философией. А мой сынулька каждое утро с радостью ожидал ее прихода.

Трудно сказать, сколько было тете Маше лет, — она и двадцать лет назад, скорее всего, выглядела так же. Может, свой возраст скрывала, потому что муж Паша был гораздо моложе нее?.. Но Паша на этом не заморачивался, и они жили душа в душу.

Однажды к нему откуда-то издалека приехал в гости родной брат. Увидев Машу, пораженный ее обликом, он, как говорили впоследствии люди, «офигел». Долго оглядывал ее орлиным взором, но, надо сказать, нашу соседку его взгляды нисколько не смутили. Брат же не выдержал длительного ее созерцания и на другой день поутру потихоньку уехал, а потом через некоторое время написал родственникам письмо, которое начиналось словами: «Здравствуйте, Паша и Маша-Крокодил!» Паша попросту не обратил внимания на слова брата в адрес жены, а вот Маша крепко обиделась и пожаловалась одной-другой-третьей кумушке. Те же с радостью разнесли по двору новое прозвище, с тех пор оно и закрепилось за нашей соседкой.

Паша, как утверждали хорошо знающие его совхозные механизаторы, обладал поистине олимпийским спокойствием. Он никогда никуда не торопился, ни разу не ускорил свой неторопливый шаг и ни на кого, даже на собаку, не повысил голоса. Например, рассказывали о нем такую историю... Однажды летним поздним вечером бригадир собирал трактористов с поля на крытой брезентом машине. За Пашей, зная его кропотливый характер, заехали в последнюю очередь. В кузове машины уже сидели два десятка грязных, злых и донельзя уставших механизаторов, которым домой попасть шибко не терпелось, чтобы смыть с себя грязь, поужинать и хоть немного отдохнуть перед новым рабочим днем. Паша,

не торопясь, собрал инструмент, тщательно разложил его по своим местам, медленно оделся и стал закрывать кабину трактора. Пошел дождь. Мужики начали Пашу громко и нервно материть, грозясь уехать без него. Но он молча, привычным спокойным шагом под проливным дождем неспешно дошел до машины, не обращая никакого внимания ни на дождь, ни на грозные окрики. После этого случая Пашу стали ждать в абсолютной тишине: а чего нервы тратить и горло драть понапрасну?

Паша для Маши был центром Вселенной. Она любила все то, что любил Паша. Он ходил у нее неизменно чистый, прибранный и сытый. Что бы Паша ни захотел, это появлялось в короткий срок у него на столе. Маша своим уходом вылечила мужу язву желудка, и тот годами о болезни не вспоминал, только иногда с перепою, да и то недолго. Зимой, когда у механизаторов появлялись выходные и нормированные рабочие дни, Паша и Маша вместе отдыхали: сидели друг против друга и молчали.

— Паш, а Паш? — вопрошала мужа Маша-Крокодил.

— Че, Маш? — охотно откликнулся Паша.

И они опять надолго замолкали. Их краткие диалоги пересказывались на все лады и пересмеивались, но семейная пара к пересудам не прислушивалась: они жили счастливо, им было хорошо друг подле друга.

В начале нашего сближения, когда Маша-Крокодил заходила ко мне в квартиру, ее маленькие глазки долго и недоверчиво прощупывали меня, будто она хотела сразу понять, не буду ли я над ней насмехаться. А после ревизии она успокаивалась, что-нибудь рассказывала из деревенских новостей, а чаще всего возилась с моим пятилетним малышом.

— Тетя Маша,— останавливала я ее испуганно,— у ребенка заразная кожная болезнь, она передается через прикосновение.